

ЕКАТЕРИНА
БАРСОВА

ВЕЛИКИЕ
ТАЙНЫ
ПРОШЛОГО

• ЗАВЕЩАНИЕ •
КРАСНОГО СЕН-ЖЕРМЕНА

Екатерина Барсова
Завещание красного
Сен-Жермена
Серия «Великие тайны прошлого.
Детективы Е. Барсовой»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70257304
Завещание красного Сен-Жермена: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-198317-8

Аннотация

Старый авиаконструктор погибает от рук злодеев, проникших в дом среди ночи, а его внучке Кире удастся спастись. Дед был единственным близким родственником девушки, и она твердо намерена найти и покарать его убийц. Обнаружив первую зацепку в тайном архиве деда, она сама пытается распутать дело. Ниточка тянется далеко в прошлое и приводит к таинственной личности – загадочному Ричарду Бертони, которого называли «красным Сен-Жерменом». Теперь, много лет спустя, кто-то убивает его лучших учеников – и жизнь юной Киры, упорно раскрывающей старые тайны, тоже оказывается под угрозой...

В каждом романе Екатерины мировые тайны прошлого неожиданно проявляются в настоящем. Герои книг, например,

расследуют крушение лайнера, подобно крушению «Титаника»; получают странные письма с отрывками из дневника Дятлова, находясь на лыжной базе в горах; находят дневник убийцы Кеннеди или узнают интересные факты из жизни своих предков, например, что те были знакомы с поэтом Николаем Гумилевым. И все эти тайны прошлого оказываются тесно вплетены в жизнь героев и так или иначе влияют на их судьбу.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	37
Глава четвертая	49
Глава пятая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Екатерина Барсова

Завещание красного Сен-Жермена

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Барсова Е., 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Глава первая

Ночная гостья

Все, что неожиданно изменяет нашу жизнь, — не случайность.
Александр Грин

Москва. Наши дни

Звук вырвал Серафиму из сладкого сна. Она не сразу услышала звонок: он доносился до нее как сквозь толщу воды. В мозгу раздался тревожный сигнал, и она открыла глаза. Мобильный звонил, елозя по тумбочке, и она схватила его в руки, даже не посмотрев на экран дисплея. Очень хотелось, чтобы это был Гуджарап. Она вот уже несколько дней не имела от него никаких известий и страшно переживала по этому поводу. При этом ее воображение рисовало картины одну кошмарней другой. Она гнала от себя эти видения, твердила, что слишком беспокоится и поэтому нагнетает ситуацию.

Как психолог она понимала, что неизвестность всегда тревожит — в неизвестности таятся тревога и кошмары, — и все же успокоиться не могла, как ни старалась.

В этом была, как говорили психологи, созависимость: ко-

гда ты уже не самостоятельная единица, а существо, настроенное на одну волну с мужчиной. И твои настроение и самочувствие в немалой степени, а иногда и целиком зависят от него. Все передовые психологи твердили: надо как можно скорее пытаться вырваться из этого состояния, это ловушка для женщины... ее погибель. Странно, что Серафима большую часть жизни думала именно так: она культивировала собственную независимость и самостоятельность с той самой поры, когда погибли родители и у нее на руках осталась Ангелина, младшая сестра. Ей пришлось заменить той и мать, и отца... Серафима не то чтобы поставила на своей жизни крест, но всегда думала прежде о сестре, а потом уже о себе. Даже когда Ангелина выросла, она не могла расслабиться, стать хотя бы чуточку легкомысленней и беспечней. И так было до тех пор, пока она не встретила Леонарда Гуджарапа. Их встреча произошла благодаря странному, почти фантастическому стечению обстоятельств. Он работал в полиции. Их пути пересеклись, когда был убит его дядя, ювелир. Вряд ли это можно было назвать приятным знакомством. Он допрашивал ее, подозревал в этом убийстве, так как она встречалась с ювелиром незадолго до его смерти¹. Тогда она думала об одном: как бы выдержать этот допрос и не упасть в обморок. А потом... судьба со скрипом развернула свое колесо в другом направлении, о котором она не думала не гадала. У них начался роман. Так иногда гримасы

¹ См. Екатерина Барсова. Последний амулет Блаватской. М.: ЭКСМО, 2023.

судьбы превращаются в подарки
Фортуны.

Кто бы подумал, что судьба столкнет ее, представительницу древнего рода Анастасьевских, и полицейского с экзотической фамилией Гуджарап. В нем причудливо смешались несколько кровей. А вообще он был красив как бог. И сложен так же. Иногда Серафима спрашивала себя, что он нашел в ней, и не находила ответа, пока ее знакомая – психолог, которая была старше ее на добрые двадцать лет, – не сказала, на секунду закрыв глаза:

– Не спрашивай об этом. Никогда. А то она улетит.

– Кто? – не поняла Серафима.

– Удача, любовь. Амур. Ты думала когда-нибудь, почему символ любви – это амурчик с крыльями и со стрелами? Ну, стрелы еще понятно... А крылья? Ведь он летает, где хочет, и стреляет, в кого хочет. Древние были правы, говоря о слепоте любви... Мы слишком многое анализируем и не доверяем жизни. А она потом не доверяет нам и обходит стороной.

– Я все поняла и больше задавать таких вопросов не буду, – сказала Серафима.

– Ну правильно. Ты же умная девочка. Психологией занялась, чтобы разобраться в себе, правда?

Это было нечестно. Говоря психологическим языком, нарушались ее личные границы. Серафима нахмурилась.

– Не буду! – подняла руки вверх Вера Филипповна. – Я не права. Пойдем-ка чай пить ко мне в кабинет.

Вера Филипповна была практикующим психологом, и Серафима зашла к ней по одному вопросу. Этот разговор она запомнила.

И все же, как ни гнала она от себя эти мысли, иногда они проскальзывали. Что? Что Леонард мог найти в ней?

Но ведь любят не за что, а вопреки... – как считают некоторые коучи и специалисты по отношениям. Вопреки рациональным объяснениям. Вопреки здравому смыслу. Иногда вопреки благоразумию...

Это были очень опасные вопросы, которых Серафима старалась избегать. Ради собственного же душевного спокойствия...

Взяв телефон в руки, она увидела на дисплее незнакомый номер. Нет, это не Гуджарап. Она испытала разочарование, и поэтому ее голос звучал сухо.

– Я слушаю. – Она покосилась на часы на стене.

Было начало двенадцатого. Поздновато для звонков незнакомых людей!

– Серафима? – голос был с легким акцентом. – Это Ангела. Мы познакомились в Италии. Недавно.

Память услужливо нырнула в недавнее прошлое. В их поездку с Гуджарапом в Италию. Когда ей захотелось собственными глазами взглянуть на ангела на кладбище в Стальено, в Генуе. Надгробие ее предка – Марии Анастасьевской. Поездка была чудесной...

– Да. Конечно. Помню.

– Я сейчас в Москве. Я могу зайти к тебе?

– Вы в отеле?

В голосе послышалось колебание:

– Нет. Не успела забронировать. Подумала, что могу остановиться у тебя. Давай на «ты». Мы же были на «ты». Там, в Италии.

– Давай. Анжела... я... приезжай. Я тебе продиктую адрес. Ты во сколько будешь?

– Скоро. Записываю, – откликнулась Анжела... – Сейчас. И спасибо тебе. Ты очень-очень добрая. Я так сразу и поняла, когда познакомилась с тобой.

Закончив разговор, Серафима принялась срочно делать уборку в квартире, доводя ее до идеального состояния. Было нечто странное в том, что Анжела, не близкая знакомая, вдруг звонит ей и хочет остановиться у нее. При этом она не договорила заранее и не предупредила о своей поездке в Москву. Анжела была полурусской-полуитальянкой. Ее мать вышла замуж за итальянца, и Анжела стала плодом интернационального брака. Она моложе Серафимы. Ей двадцать пять лет. Жгучая брюнетка с копной жестких выющихся волос и белоснежной улыбкой. Как смутно поняла Серафима, она работала в каком-то научно-исследовательском институте и подавала большие надежды. Все это Анжела немного сумбурно изложила, когда они стояли и разговаривали на веранде большого загородного дома. Или виллы, как говорят

итальянцы.

Да была ли та поездка в Италию? Все хорошее постепенно становится сном, но таким сладким, о котором остаются прекрасные воспоминания...

Серафима пошла на кухню и открыла холодильник. Еда была. Помидоры, листья салата, оливковое масло, колбаса, сыр, хлеб. И немного молока.

Интересно, почему это Гуджарап не звонит, что с ним. С начала февральских событий он постоянно находился в каких-то командировках, но где и чем занимался – не говорил. Бывало, от него не было известий несколько дней, и тогда Серафима не находила себе места, с трудом держала себя в руках... По сути дела, она не знала, чем занимался ее возлюбленный. Сам он со смехом называл себя следователем по особым поручениям, секретным агентом, работником законспирированной аналитической службы. Но что здесь было правдой, а что ложью – Серафима терялась в догадках.

Она делала ревизию запасов. Кофе в зернах есть. Завтра утром стоит прикупить продуктов. Но сейчас она может предложить Анжеле кофе или чай. Бутерброд с колбасой, сыр, зелень... Еще есть сухое печенье.

Снова раздался звонок мобильного. Анжела!

– Ты не можешь меня встретить?

– Уже подъехала?

– Да.

– Сейчас. Спущусь вниз и через пару минут буду на улице.

«И где Гуджарап? – опять возникла мысль. – Почему он не звонит? Вдруг что-то *серьезное?*»

На улице было тихо. Пахло жасмином. Серафима запахла кофту, и тут до нее донесся звонкий голос.

– Привет! – Анжела вышла из такси с большой сумкой, приблизилась к Серафиме и поцеловала ее в щеку.

– Прости, что я так внезапно... Не предупредив заранее. Но так получилось.

– Ничего, поговорим дома.

Итальянка подняла глаза вверх:

– Это твой дом?

– Да.

– Красивый.

– Сталинская архитектура. По-своему она очень привлекательна.

– Да-да. Я понимаю. Я читала об этом. Дома повышенной комфортности и определенного имперского стиля.

– Ну, насчет повышенной комфортности я бы не сказала... – протянула Серафима. В доме стал ломаться лифт и барахлил мусоропровод, но говорить об этом иностранке было бы странно и неправильно... «И на что ты жалуешься, – одернула себя Серафима, – у тебя прекрасная квартира... Все хорошо».

– Пойдем скорее. Тут дует, – заторопилась Анжела.

Хотя никакого ветра не было. Стоял чудесный июньский вечер: тихий, теплый, когда все подернуто чудесной дымкой

распустившейся зелени. Серафима любила позднюю весну и раннее лето, когда оно еще не вошло в полную силу. Не наступила изнуряющая жара, а город не превратился в раскаленные асфальтовые джунгли. Но может быть, итальянке кажется, что дует ветер и холодно. Теплолюбивые люди могут испытывать неудобство от малейшего сквозняка. Тяжелая дверь подъезда закрылась за ними, и тут Серафима увидела, что ее знакомая мелко-мелко дрожит.

– Да ты и вправду замерзла, – тихо рассмеялась Серафима. – Сколько у вас там сейчас в Италии градусов?

– За тридцать, – чуть слышно сказала Анжела.

– Ну конечно, после таких температур Москва кажется арктическим ледником. Как долетела?

Анжела запнулась:

– Нормально.

– С пересадками?

– Да.

– Надолго к нам?

Тут же Серафима сделала сама себе выговор за бестактный вопрос: можно подумать, ты уже хочешь ее спроводить... Следи за своей речью... Не забывайся...

Анжела как-то неопределенно повела плечами и нахмурилась.

– Не знаю. Посмотрю. Пока не могу сказать ничего определенного. Зависит от многих обстоятельств и факторов.

Серафима нажала на кнопку вызова лифта.

– Понятно. Сейчас согреешься на кухне. Выпьем чай или кофе. Что хочешь?

Лифт остановился на одном из этажей. Ангела как-то странно посмотрела на Серафиму. В глазах мелькнул испуг:

– У вас часто ломаются лифты?

– Нет. С чего ты взяла?

– Лифт стоит на месте. Кто-то его остановил?

– Сейчас он поедет. Наверное, маленькая техническая неисправность. Небольшая пауза. Так бывает.

И в самом деле, после того как Серафима пару раз настойчиво нажала на кнопку, вскоре раздалось шуршание лифта. Когда кабина остановилась, Ангела отступила назад, как бы спрятавшись за спину Серафимы.

Они зашли в лифт, и Серафима увидела, как ее знакомая бледна и напряжена. Сейчас отойдет. Посидит на кухне, выпьет кофе и оттаает. Наверное, перелет, общая усталость... вот все эти факторы и сказались на самочувствии.

На кухне Ангела какое-то время сидела, глядя прямо перед собой в одну точку. Когда Серафима поставила перед ней чашку кофе, Ангела вскинула на нее крупные карие глаза:

– Спасибо. – Она прекрасно говорила по-русски, с едва заметным акцентом: – Я, наверное, свалилась тебе как снег на голову?

– Ничего. Все нормально.

– Понимаешь. Внезапная командировка, – начала она,

оправдываясь.

– Что-то срочное по работе?

Та часто-часто закивала головой:

– Да. Я сама не ожидала. У нас обычно так не делается. А тут... Минимальное время на сборы – и вперед! А где твой... – она запнулась.

– Друг? Леонард в командировке.

– Ясно. Жаль, что его нет. Он мог бы мне помочь.

– В чем?

– В одном деле. – Анжела нахмурилась. – Если честно, то я на него рассчитывала. Не думала, что его не будет в Москве.

– Его нет. И когда будет – не знаю. Тоже срочная командировка.

Анжела испытующе посмотрела на Серафиму:

– Тогда, может быть, я расскажу тебе...

Но...

– Я не выдам.

Серафима налила себе вторую чашку кофе и приготовилась слушать.

– Я рассказывала, что работаю в одной исследовательской лаборатории.

– Говорила в общих чертах.

– Так вот, – запнулась Анжела. – Это правда. Но не вся.

– Я слушаю...

Кофе был горячим и сладким. Серафима пила такой нечасто. Понимала, что он нагоняет лишние калории. Такой кофе

не бодрил, а скорее успокаивал. Вот и сейчас она нуждалась в успокоении, так как все время нервничала из-за Леонарда. Она постоянно задавала себе вопросы: где он и что с ним сейчас? И вот сию минуту, сидя на стуле напротив Анжелы, Серафима почувствовала, как ни странно, облегчение. Может быть, потому что собиралась вникать в чужие проблемы, а не копаться в своих. В ней включился психолог, готовый выслушать пациента. Но Анжела молчала.

– Я слушаю, – мягко повторила Серафима.

– Я... короче. Не слишком ли обременяю тебя? – выпалила Анжела.

– Ничего. Все нормально...

Из рассказа Анжелы складывалась следующая картина. Она трудилась в одной закрытой лаборатории, где занимались секретными разработками. Сказав об этом, Анжела сделала страшные глаза и замахала руками. Один проект, связанный с авиацией. Причем рассматриваются те разработки, которые были сделаны еще в прошлом веке. Начиная с 20-х годов. И вот с некоторых пор ей стало казаться, что за ней следят, с тем чтобы украсть результаты исследований. А в Россию она прилетела, чтобы кое-какие наработки обсудить со сведущими людьми в Москве.

– Как же ты можешь что-то обсуждать, если это секретные исследования? – удивилась Серафима.

– Ведь эти люди тоже когда-то работали над похожей тематикой. Поэтому было бы интересно с ними поговорить. И

конечно, не раскрывая суть моих интересов. Но... понимаешь, теперь мне кажется, что за мной следят.

– С чего ты это взяла? У тебя есть доказательства?

Анжела мотнула головой:

– Никаких. Но есть же ин-ту-и-ци-я. – Это слово она произнесла по слогам. – Понимаешь: ин-ту-и-ци-я. И никакими логическими доводами я себя успокоить не могу. Я хотела посоветоваться с Гуджарапом. Мне кое-что удалось узнать...

Серафима промолчала. Она не хотела говорить Анжеле, что иногда бывает не интуиция, а простая мания преследования. Когда любой шорох, стук двери или взгляд случайного прохожего укладываются в одну цепочку – что за тобой следят и хотят уничтожить. Это признаки начинающегося психоза. Но это уже вопрос не к психологу, а к психиатру. Ничего этого Серафима говорить не стала.

– Не надо так думать. Ты просто измучаешь себя. Это все нервы. Надо хорошо выспаться, поехать куда-нибудь отдохнуть. Сменить, как говорят, картинку. Даже простой поход в музей или картинную галерею может отвлечь. А уж если выбраться куда-нибудь на несколько дней, то успех гарантирован. И тогда это состояние уйдет, вот увидишь.

И она погладила Анжелу по руке. Но этот простой жест почему-то вызвал у молодой женщины бурные рыдания.

– Спасибо, Серафима, ты очень добрая. Я рада, что нашла у тебя приют. При-ста-ни-ще. – Некоторые слова Анжелы выговаривала старательно и по слогам. – Ты меня выслушала, я

немного успокоилась. Сейчас уже поздно, давай спать. Завтра утром у меня много дел, нужно встретиться с людьми, о которых я тебе говорила. И может быть, завтра я позвоню Гуджарапу и переговорю с ним.

– Сейчас он вне зоны доступа.

Анжела сделала большие глаза, а потом часто-часто закивала головой.

– О! Понимаю. Но вдруг он позвонит... Я буду рада побеседовать с ним на интересующую меня тему.

– Я тоже буду рада, – со вздохом сказала Серафима.

Она постелила Анжеле в большой комнате. Перед тем как пожелать ей спокойной ночи, спросила: надо ли ее утром будить. Та ответила, что встанет сама. Но если вдруг не проснется по будильнику, то пусть Серафима ее разбудит.

– Хорошо, – сказала Серафима.

Сон никак не шел. Она лежала в постели и ворочалась. Снедало беспокойство за Леонарда. Как он? Ну мог же подать весточку. Она ждет. Тоскует. Тревожится.

И тут, словно бы услышав ее мольбы, пришла эсэмэска:

«Все в порядке. Спи. Целую нежно. Леонард». И смайлик. Сердечко.

Серафима резко выдохнула и натянула одеяло на голову. И тихо рассмеялась. Она была почти счастлива. А вот полным ее счастье будет, когда он приедет.

В ответ она отправила два больших сердца.

За завтраком Анжела была молчалива и сосредоточена. Она проснулась по будильнику. Его звон разбудил и Серафиму, которая пошла на кухню и занялась приготовлением бутербродов и кофе.

– Надолго уходишь?

– Не знаю.

– Если требуется помощь – звони.

После недолгого молчания Серафима сказала:

– Гуджарап прислал эсэмэску.

– Когда приедет, не сообщил?

– Нет.

– Жаль! Надеюсь, что он вернется в Москву в ближайшее время и я смогу с ним переговорить. Сегодня у меня много дел. Но я постараюсь вернуться к ужину.

– Хорошо. Жду. Что тебе приготовить?

Но в ответ итальянка энергично затрясла головой:

– Нет, Серафима. Не стоит беспокоиться. Это я приготовлю настоящую итальянскую лазанью. Побалую тебя. Куплю продукты и приготовлю.

– Буду ждать. Лазанью я люблю. Готовить не умею. Но в ресторанах ела и как полуфабрикат покупала.

– Это все не то. Все, что ты ела до этого, – ерунда. Я сделаю такую лазанью, что запомнишь ее на всю жизнь.

– Договорились, – улыбнулась Серафима. – Уже предвкушаю чудо-лазанью. Не сомневаюсь, что она будет необычно-

венной.

Выпив кофе и съев два бутерброда с сыром, Анжела поднялась из-за стола и посмотрела в окно:

– Погода обещает быть хорошей. Не люблю дождь. Сразу настроение портится. Поэтому мы, итальянцы, такие жизнерадостные. Просто у нас солнца много.

Проводив Анжелу, Серафима подошла к окну. Вот она вышла из дома и остановилась, чтобы перейти дорогу. Дальше все было как в замедленной съемке. Неожиданно вынырнула машина, и в следующий момент Анжела уже лежала на земле. А Серафима почувствовала дурноту, подступившую к горлу. И закричала во весь голос. Да так, что зазвенело в ушах.

Глава вторая

Опасный визит

*Чтобы чувствовать цену того, чем вы владеете,
представьте себе, что вы потеряли это.*
Плутарх

Москва. Наши дни.

За два дня до описываемых событий

Если бы не дурацкая привычка есть по ночам, ее бы уже не было в живых. Вот сколько раз она корила себя за это, а получается, что ночные походы к холодильнику спасли ей жизнь.

Все, что случилось тогда, той ночью, Кира могла воспроизвести с мельчайшей достоверностью – настолько произошедшее врезалось в память. И она не могла его вытравить, даже если бы захотела. Может быть, спустя какое-то время она найдет дорогущего психолога, заплатит ему кучу бабок – и он поставит блок на прошлое. Но это будет когда-нибудь потом... А сейчас ей нужно поспать. Но стоило только при-

корнуть, как снова все прокручивалось в голове с бешеной скоростью.

...Она захотела есть и потопала на кухню, стараясь ступать как можно бесшумней. Несмотря на то что дедушка был уже стар – в прошлом году ему исполнилось восемьдесят пять лет, – спал он чутко, и бывало, когда она возвращалась обратно к себе в комнату после того, как сделала маленький набег на холодильник, в коридоре слышала его ироничное покашливание. Он как бы сигнализировал ей, что все слышал и знает, чем она занималась на кухне.

Она не была толстой – скорее плотно сбитой, но мечтала похудеть хотя бы килограммов на пять. А с этими ночными набегами на кухню выполнить данное пожелание не представлялось возможным.

Для того чтобы ее все-таки не разнесло, она занималась боевым единоборством и еще увлекалась паркуром. Ей нравилось взбираться по стенам домов и там висеть, глядя сверху вниз на людей. От этого захватывало дух, хотелось петь во весь голос и кричать от радости.

Она училась на первом курсе финансово-экономического института, потом бросила – и теперь думала, куда ей пойти дальше. Дедушка хорошо знал немецкий язык, помог ей выучить его, и иногда она занималась переводами. Все это были случайные заработки, но на жизнь ей хватало, а о дальнейшем она пока не задумывалась. Хотя дедушка все же ворчал и спрашивал, когда же она возьмется за ум. Они договори-

лись, что еще пару месяцев она подумает. А потом решит – куда поступать.

Дедушка, Николай Людвигович Степанцов, был в прошлом летчиком, авиаконструктором и любил во всем точность и порядок. Наверное, он спрашивал бы с Киры гораздо строже, если бы не то обстоятельство, что ее родители умерли, когда она была в достаточно нежном возрасте. Поэтому внучку свою он жалел и желал ей, естественно, самого лучшего. Так, как он это понимал. Бабушка умерла еще до рождения Киры, поэтому Кира ее не помнила, но казалось, что дедушку знала всегда. Она была уверена, что в мире есть человек, который ее, Киру, любит – просто за то, что она есть. Родители Киры погибли в горах, когда в составе группы совершали восхождение на Эльбрус. Ей в то время было пять лет. Так что с этого возраста она целиком была на попечении дедушки. Он привел ее за руку в первый класс, проверял уроки, занимался дополнительно почти по всем предметам, отменно готовил – особенно ему удавались куриные котлеты и плов. Он заплетал ей косы, выбирал наряды, а когда она повзрослела, сказал, что она может покупать одежду себе сама, только пусть одевается так, чтобы ему не было стыдно. При этом он не пояснил, что вкладывает в это понятие, но Кира старалась избегать мини, обтягивающих брюк, крикливых расцветок. Она не делала себе ни пирсинг, ни татуировки – знала, что дедушка этого бы не одобрил.

Когда однажды ее одноклассница с насмешкой спросила:

«Ты что, так и будешь зависеть от мнения старпера?» – Кира ее оборвала: «Я не завишу ни от чьего мнения. Просто не хочу. И он не старпер. Он мой дед». Она хотела прибавить «я его люблю и не хочу огорчать», но подумала, что это лишнее и ее не поймут. Потому и промолчала.

Подруг у нее не было, только знакомые, с которыми она иногда общалась. Как ни странно, ей хватало дедушки. Он не давил на нее, не пытался контролировать. Она могла сидеть в своей комнате и резаться в компьютерные игры или просто валяться на диване и читать книжку. Но все же были у них заведенные привычки и ритуалы. Ужин в семь, если она была дома. Если приходила позже, ужинали они все равно вместе. Дедушка ухаживал за ней, разогревал еду... Во время ужина беседовали. Иногда Кира приходила к нему в комнату, и у них начинались душевные разговоры, она любила расспрашивать его о прошлой жизни. О работе. Он рассказывал с увлечением, она не прерывала его, сидела в кресле, забравшись с ногами, и слушала.

На здоровье дедушка особо не жаловался, но в последнее время что-то его стало беспокоить. Он как-то сдал, одряхлел и реже выходил из дома. Когда Кира спросила его, нужно ли сходить в поликлинику или вызвать врача на дом, он резко сказал, что ничего не надо, все в порядке – это возраст и нервы.

И все же два дня назад, когда они ужинали, дедушка сказал, глядя куда-то в сторону:

– Как ты знаешь, я уже стар...

Кира хотела перебить его, но что-то в его тоне остановило ее.

– Не перебивай, пожалуйста, – сказал он строго... – Меня может не стать в любой момент.

– Ты о чем, а? – Она попыталась перевести их разговор в шутку. – Деда, не надо на ночь, а то я не усну...

– Прошу тебя, выслушай, – обратился он к ней чуть ли не с мольбой. Это было так странно, что она невольно притихла.

– В моей комнате лежат документы... пакет за книгами... Пойдем я тебе покажу. Когда меня не станет... обращай с ними аккуратно.

– А что там?

И он сказал неожиданно твердо и громко:

– Тебе лучше не знать. Но сохрани эти бумаги. Обещаешь?

– Хорошо.

Он показал, где хранится пакет с бумагами, и когда она леглась спать, то подумала, что надо быть повнимательней к бабушке, раз ему в голову лезут мысли о смерти. Раньше такого не было.

И вот в тот вечер, точнее уже ночь, она направилась в кухню и услышала странный звук. Сначала она не придала ему значения. А потом... Потом она почувствовала, как по коже бегут мурашки. Инстинктивно она тихо закрыла холодиль-

ник. И сделала шаг к балкону. Вышла на него, и здесь звук стал громче. Входная дверь открылась. Крик застыл на губах, она присела на корточки. Шум нарастал. Ей хотелось выглянуть, но она запретила себе это делать.

Она так и сидела на корточках, слившись с темнотой и жадно ловя звуки оттуда. Когда ей показалось, что все стихло, она осторожно подняла голову: боком к ней стоял мужчина – высокий, с седой головой и хищным носом. Он был небрит, в серой футболке и говорил с кем-то, кто находился, видимо, в коридоре. Форточка была открыта, и было слышно каждое слово:

– Смотри, аккуратно...

И тут же его перебили со смешком:

– У нас все схвачено. В том числе и в полиции...

Седой повернул голову вправо, и Кира мгновенно опустилась на пол. Через какое-то мгновение ей показалось, что кто-то идет к балкону, она немного выпрямилась, поставила ногу ближе к стене и перемахнула на соседний балкон, едва коснувшись перил. Такому приему их учили на паркуре. Хорошо, что соседи ничего не слышали. Видимо, спали крепким сном. В соседней квартире жили мать, отец и двое детей. Мальчик лет восьми и пятилетняя девчушка.

Когда Кире показалось, что все утихло, она снова осторожно перебралась на свой балкон и, открыв дверь, вступила на кухню. Никого. Вооружившись кухонным ножом, она, ступая на цыпочках, подошла к дедушкиной спальне и за-

глянула туда. Дедушка лежал поперек кровати. Из рта вытекала струйка крови. Она зажала рот себе рукой, чтобы не кричать... И тут вспомнила о бумагах. Тех самых, о которых ей говорил дедушка. Она метнулась к книжной полке и сунула туда руку – бумаги были на месте! И вдруг снова шаги... Кира метнулась к себе в комнату. Схватила свой рюкзачок, с которым обычно ходила (там был паспорт, банковские карты...), и ринулась на балкон. Потом переметнулась на соседний. А затем, цепляясь ногами и руками за балконные перила, спустилась с четвертого этажа на тротуар. Оказавшись на тротуаре, глубоко вздохнула и невольно подняла голову вверх. Прощай, дедушка! По ее щекам струились слезы. Я выполнила твоё обещание... Взяла бумаги. Я... постараюсь найти твоих убийц и покарать их. Обещаю тебе...

* * *

– Кто убит? – Светлана Демченко вела машину, глядя на дорогу.

– Некий Степанцов Николай Людвигович. Бывший авиа-конструктор. Он уже давно на пенсии. Но до шестидесяти пяти лет ещё работал, потом давал консультации. Был внештатным сотрудником. Воспитывал внучку Киру Дмитриевну Племянникову. Её родители погибли. Внучка – дочь его дочери Людмилы. На месте смерти внучки не было. Где она сейчас, неизвестно. Его убили, перерезав горло. Он сопро-

тивлялся, но их было двое. При осмотре тела была обнаружена небольшая татуировка на плече. Самолет.

– И где теперь эта внучка? Почему она убежала?

– Ее могли убить... и увезти труп с собой. Могли похитить и тоже взять с собой. Ты такие версии не допускаешь?

– Допускаю. Вполне допускаю.

Небо хмурилось, собирался дождь...

* * *

– Ты все хорошо просмотрел?

– Да.

– Почему же мы ничего не нашли?

– Не знаю.

– Вдруг там ничего не было?

Второй пожал плечами:

– Забей. Если не нашли – значит, там ничего и нет.

– А нам поверят? И почему он ничего не сказал?

– А ему и сказать было нечего. Упрямый старый черт!

– Похоже, что он нас не ждал!

– Это вряд ли!

– И все же в его глазах было что-то такое...

– Мне в его zenки вглядываться было некогда. А вот ты плохо службу служил.

– Делал что мог, – огрызнулся первый.

Они ехали в машине и негромко переговаривались между

собой.

– Главное, чтобы бабки заплатили вовремя.

– Точняк заплатят.

– Но бумаг-то нет.

– Так хули мы их родим, если и не было...

– А нам поверят?

– А какие могут быть сомнения? Все, что от нас требовалось, выполнили. Кто же думал, что этот старый перец в молчанку играть будет. Но если бы что-то знал, сказал бы.

– Так-то оно так. Нам все же могут предъяву выкатить. Бумаги где? И кстати, где его внучара была? Он же не один жил. Нам же сказали, что он вдвоем с девкой живет. А ее мы не видели. Но какой-то шорох на балконе я слышал. Хотя, когда я осмотрел его, там было пусто. И все же зудят два вопроса: почему ее дома не было и где она сейчас?

– Ну, здесь мы с тобой далеко не ускорим. Зачем городить огород там, где его нет. Девка молодая, хрен знает где шляется. К бойфренду поскакала наверняка. В постели кувыряться. На кой ляд ей около старого перца сидеть. Она что, сиделка? Он вполне еще мог себя обслужить.

– А вдруг она где-то рядом была? Вдруг мы с тобой маху дали?.. И девчонку проглядели? Что-то ведь мне покоя не дает. И не просто так...

– Забей! Хули ты дергаешься, как баба в течке. Мы же все осмотрели. Я даже вернулся, хотя это было опасно, но... решил все же проверить. Был там кто в хате, когда мы нагряз-

нули, или нет?

– Свербит меня что-то, ой свербит. И неспроста. У меня на эти дела нюх звериный. И этот нюх сейчас мне говорит, что наше дело немного тухляк. Понимаешь?

– Заткнись, хорош на нервах пиликать. Реально. Слышь? Закрой хлебало! Был, помню, у меня один музыкант. Должок с него надо было выбить. Ну и потряс я его маленько. Так что он играть больше не мог. А подавал, как я узнал впоследствии, большие надежды.

– И что ты с ним сделал?

– Угадай с трех раз? Пальцы переломал. Пианистом он был. И сплыл.

– А к чему ты мне это говоришь сейчас, а?

– А к тому, что мне с тобой сейчас то же самое сделать хочется. Так ты меня уже достал!

Второй собеседник замолк и мельком посмотрел на своего напарника, сидевшего за рулем. Он был широко известен в узких кругах тем, что ему поручали самые грязные и тяжелые дела. В своем роде беспредельщик. Если бы не Макс, который подсунул ему это дельце... И зачем только Макс клялся-божился, что все будет как на мази, а он получит большие бабки? Будет благодарить Макса, ну и не забудет ему процентик отстегнуть... И где только Макс нашел этого громилу?

Ему стало не по себе. Хотя новичком он не был и повидал в своей жизни всякого. Лучше бы он не соглашался. Перекантовался бы без этих бабок и нашел бы себе другой за-

каз. Не такой, как этот – с непонятным исходом. И потом, ему как-то не по себе – стариков убивать. Все-таки какой-никакой кодекс чести у него имеется, несмотря на то что со стороны это может звучать смешно. Он не виноват, что вырос в наукограде, где в период перестройки вся жизнь рухнула, а ученые стали не нужны. Его отец, инженер, получил сердечный приступ и скончался недалеко от дома, мать вышла замуж за мужика, который ее бил, и через два года ушла вслед за отцом. А он остался один и никому не нужный. Ну и приобщили его к воровству. Ларьки они тогда обчищали. Дело было выгодное и не особо хлопотное. Один раз даже куш приличный сорвали. В ларьке кто-то оставил приличные деньги на хранение. Пятьдесят тысяч баксов. Они себе их и прикарманили. И подался каждый куда хотел. Он – в Москву. Может быть, тогда надо было завязать ему со всей той жизнью, поступить куда-то, начать другую *карьеру*. Но *что-то* помешало ему сделать этот шаг. А что – теперь он толком не может и вспомнить. Наверное, Маринка, которая тогда вертела им как хотела, а он исполнял все ее желания. Маринке были нужны деньги. Она, дурочка, возомнила себя топ-моделью и хотела идти по этому пути. Куда ей, провинциальной девочке из Брянска, рваться в Париж и Милан. Но она видела себя уже на самых престижных мировых подиумах. И не могла вытравить из головы эти сахарные картинки: реклама, красивая тачка, престижные курорты, хата в центральном московском районе... И как она умело рас-

кручивала его на деньги. А он, дурак, поддавался ей... Как в сладостном бреду был. Марина, Мариночка... Тогда уже его дорожка и стала *необратимой*.

Или все же в этом виноват старый друг Витек, которого он случайно встретил на Курском вокзале. Друг повел его в пивную и там изложил новое дело – потрясти владельцев одного небольшого заводика, с тем чтобы они уступили свои права другим, которые готовы за это щедро заплатить. Вот тогда он впервые и столкнулся с мокрухой. И понял, что жизнь еще раз резко разделилась на «до» и «после». А ведь как все хорошо начиналось – папа, мама, их счастливая семья... Он – пионер, числится в твердых хорошистах. И мечтал стать... летчиком. Почему он сейчас об этом вспомнил? Да просто у этого старика, которого они убили, на плече был изображен маленький самолетик. Татуировка такая... И он вздрогнул от этого. Ведь город, где он родился, занимался авиастроением, покорением космоса. На площади в городе стояла модель самолета. И он каждый раз, проходя мимо нее, думал, что когда-то полетит на этом самолете... Черт, черт, черт. Какая же безжалостная и жестокая штука эта жизнь.

Погрузившись в свои воспоминания, он не сразу увидел, что его напарник смотрит на него с явным раздражением:

– Ты чё? Спишь наяву в натуре? Сидишь, впав в ступор. Как debil полный, и еще губами шевелишь.

– Это я так, – он с трудом вынырнул из прошлого.

– Да ты еще и с приветом!

– Волнуюсь я, Слепой, – кратко бросил он. – Ой как волнуясь.

– Ветряга! – хмыкнул тот. – Не дрейфь. Сейчас завалимся в какую-нибудь кафешку и посидим. Оттянемся.

Ветряга. Фамилия у него была такая красивая – Ветров. Артем Ветров... мечтавший когда-то о самолетах...

Скоро все узнаем.

– Тише! Звонок.

Поговорив по телефону, тот, кого называли Слепым, повернулся к нему:

– Слышь, Ветряга! Втык нам все-таки дали, потому что бумаги должны были быть там. А мы их, получается, прошляпили. И девчонку упустили. Надо было ее взять вместе с дедом. И также попробовать *разговорить*. Но как же возьмешь ее, если этой шмары там не было. Шлялась она где-то. Но мне сказали, что она могла знать про те бумаги. Вдруг дед сказал ей об этом, ввел в курс дела?..

– Если бы да кабы. Девки не было. Бумаг тоже. Стой на этом. И точка.

– А ты меня не учи. Без тебя знаю, что говорить и как. Политесам обучен. Но пока нами не совсем довольны. И денег заплатят меньше. – Слепой выдал обильную порцию мата и потом замолчал. – И еще... Девчонку эту нам все же придется искать.

– Ё-моё! Ну и заданьице.

– А то! Где тут кабак поблизости? Залить бы поскорее

хреновину эту...

* * *

– Ну тихо, тихо, ты же у меня умная девочка, – гладил ее по руке Леонард, рассеянно глядя куда-то в сторону.

– Ты меня не слушаешь! – вспыхнула Серафима.

– Напротив. Очень даже внимательно слушаю. Еще раз расскажи все по порядку. Постарайся ничего не перепутать.

– Анжела приехала ко мне поздно вечером. Почти ночью.

– Во сколько?

– В двадцать три тридцать пять. Я уже спала. Устала и решила лечь пораньше и выспаться. Звонок мобильного я услышала сквозь сон. Не сразу поняла, кто это. Я думала, что это ты, Леонард! Ты мне не звонил несколько дней. Я измучилась, в голове творилось черт знает что...

– Виноват! – вскинул он руки вверх. – Не добивай меня упреками. Свою вину признаю полностью и безоговорочно. Постараюсь больше так не делать. Насколько это возможно, – добавил он уже тише.

– Ладно, не буду больше упрекать. – Серафима замолчала, а потом продолжила: – И тут звонок Анжелы. Она говорила тихо, приглушенным голосом. Сказала, что хотела бы остановиться у меня. Я удивилась. Но возражать и задавать лишних вопросов не стала. Я спросила, во сколько она будет. Анжела сказала, что скоро. Доехала она и правда быст-

ро. Через полчаса.

Леонард стоял около кухонного шкафчика и смотрел в окно.

– Продолжать?

– Конечно.

– Она приехала. На мой взгляд, была слишком взволнована. Словно кем-то или чем-то напугана.

– Стоп-стоп. Бывает так, что люди потом себя накручивают. Задним числом. Ты понимаешь? Если ее сбили, то значит за ней гнались, преследовали, она была у кого-то на крючке. И все подгоняется под эту версию. Это такой психологический эффект.

– Н-нет, – замотала головой Серафима. – Мне не казалось. Она еще, когда лифт остановился между этажами, спросила: часто ли они ломаются в нашем доме. Когда же кабина доехала до первого этажа, она спряталась за мою спину. Спрашивается: почему?

– Ладно, пока убедительно. Один-ноль в твою пользу.

– Мы выпили кофе, я ее немного покормила. Хотела постелить постель, но она попросила меня поговорить с ней. Мы пошли в комнату. Она рассказала мне, что занимается каким-то проектом, связанным с авиацией. – Серафима замолчала. – Мы легли спать. Утром позавтракали. Она обещала мне вечером лазанью приготовить. Сказала, что такую лазанью я еще не ела. Она ушла. Я выглянула в окно... Видела, как она дорогу переходит. И тут ее на моих глазах пере-

ехала машина. Я чуть с ума не сошла... Леонард! – вскрикнула Серафима. – Я не могу это забыть!

Вместо слов он обхватил ее обеими руками и прижал к себе:

– Прошу тебя, постарайся об этом не думать.

– Это невозможно.

– Постарайся...

– Кому это надо было?

– Будем выяснять...

Глава третья

Школа космических капитанов

По отношению к прошлому будущее находится в настоящем. По отношению к будущему настоящее находится в прошлом. Так где же нахожусь я сам?
Валентин Катаев. Трава забвения

Москва. 1920-е годы

– Тихо, тихо... – Он потрепал собаку, которая с деловым видом обнюхала его и снова улеглась на свое место у двери. – Умный пес. Хороший пес.

Перед тем как потянуть дверь на себя, он обернулся. Вечерняя Москва была особенно хороша. Сумерки придавали мягкость очертаниям зданий. В воздухе плыл аромат цветов и цветущих деревьев. «Красиво, – подумал он. – Но что есть эта красота? Продукт моих мыслей? Не есть ли тогда наш мир одна большая иллюзия, тайну которой дано разгадать немногим?»

Открыв дверь, он оказался в коридоре, а потом – в небольшой комнате, где его уже ждали. Он обвел взглядом собравшихся. Это были в основном люди творческих профессий. Писатели, художники, композиторы, философы. Москва на-

чала двадцатых годов бурлила, возникали всевозможные объединения, творческие союзы, кружки, партии. Все хотели выразить себя, все ждали какого-то откровения от той новой эпохи, которая наступила. Провозглашалось создание нового человека. Но вот каким он будет? И реально ли это желание? Он встретился с пытливым взглядом Александра Гриневского, писавшего под псевдонимом Александр Грин, здесь был Валентин Катаев, его брат Евгений Петров, Илья Ильф и другие...

Они в свою очередь смотрели на него с интересом и любопытством. Здесь был и писатель, который в прошлом году переехал в Москву и подавал большие надежды. Михаил Булгаков. Его беспокойный ум жаждал вырваться за рамки привычного и обыденного. Возможно, его ждет блестящее будущее... Кто знает...

– Я буду говорить то, что и в прошлый раз, – начал Ричард Бертони. – Мы уповаем на технику, а нужно найти другую точку опоры. Сотворить человека, который и станет развивать науку и технику. Машины и всякие приборы постоянно совершенствуются, а человек развивается медленнее, значительно медленнее. Эдисон, Королев, Ломоносов – явления одного уровня. В будущем будет создан научно-исследовательский институт чудес и тайн, где будут выявляться таланты путем определенных тестов. – Он обвел сидящих в комнате взглядом и продолжил: – Придет время, когда, согласно велению природы, преодолевая предрассудки и суеверия,

возникнет великий альянс строителей, единый фронт против застоя, заболоченного лагеря озверелых тупых обжор.

– Все правильно! – крикнул кто-то. – Так и будет!

– Хотите знать, как зародилась жизнь на земле? Я могу рассказать об этом. – Он взмахнул руками. – Представьте себе, что на темном фоне неба разгорается огромная яркая звезда, которая носит название «сверхновая». И вот ее свет облучает поверхность планеты мощными лучами... И на земле постепенно зарождается то, что мы именуем жизнью. Сначала свет проникает в воды океана и брожение новых микроорганизмов начинается именно там. А потом жизнь распространяется везде.

Сверхновые звезды рождают жизнь. А у сверхновых людей рождаются сверхновые идеи. И надо помнить, что нам, людям, еще многое недоступно. Так, во всех вещах и предметах кроме их внешней оболочки – того, что мы можем видеть, осязать, – есть еще нечто, что ускользает от нашего понимания. Вероятно, тайной вещей овладели те, кто ушел от нас. Эти незримые духи проникают всюду и везде...

– Bravo! – услышал он крики. – Bravo!

– А где находится тот второй мир, где мы иногда живем по ночам, когда нас убаюкивают тени? А где расположен тот мир, в котором витают Большие Духи, управляющие судьбой вещей? Кто это знает? Вот усопшие, те, кто ушел от нас в сторону, в мир иной, они все видят, все знают...

Он вдруг вспомнил свое детство. Прекрасный замок. Кра-

сивых женщин, которые его окружали... Чувство покоя и одновременно волнения. Ему все время хотелось куда-то убежать, вырваться вперед, словно стены замка давили на него и были ему тесны. Он любил гулять в старинном парке, который окружал замок. Однажды он даже заблудился в нем. Шел, шел по высокой траве, доходившей ему до груди, и не заметил, как парк сменился лесом. Он хотел остановиться, но как будто бы странные голоса шептали ему: иди вперед, не останавливайся. Вскоре он очутился на берегу таинственного озера. Оно было небольшим и отливало бледно-изумрудным серебром. Вода в нем казалась застывшей. А когда он сел на берегу и заглянул в воду, то увидел там странных существ, похожих на рыб с крыльями. Их плавники напоминали крылья стрекоз – легкие, прозрачные... А вот глаза... были вполне человеческими... Внимательными, смотрящими внутрь тебя... От этих взглядов ему было не по себе. Внезапно одна рыба выпрыгнула из воды, описала в воздухе высокую дугу и плюхнулась обратно в воду. Его поразило, что не было слышно никаких звуков. Вокруг стояла плотная тишина. Он был в каком-то другом мире... Но еще больше его поразило, что рыба, уйдя под воду, почти мгновенно исчезла. Легкое колебание – и уже темно-зеленая водоросль всколыхнула воду. Все предметы рано или поздно превращаются во что-то иное, но они не исчезают, они продолжают жить... Все имеет свое начало, но не имеет конца... Все переходит в вечность. А эта водоросль потом станет камнем. Но внут-

ри его будет запечатан образ рыбы с человеческими глазами. Может, рыба была когда-то человеком, который умер, но не перестал жить. Теперь он обитает в воде... А чем та отличается от воздуха? Он наклонился к воде близко-близко – и вдруг упал в нее. Он даже не успел испугаться, как понял, что идет ко дну... Но он не переставал видеть, слышать, дышать... Вокруг него проносились рыбы, танцевали водоросли... раскрывались раковины, внутри которых мерцал зеленый жемчуг... И еще раковины поменьше – золотисто-розовые... Он словно растворился в воде и обрел иное зрение. Видел, что творилось под толщей песка и ила. Там лежали останки древних палм и огромных ящеров. На секунду он вдруг увидел, что они бродят по берегам этого озера много-много лет назад. Он парил в воде, раскинув руки. Он был готов обнять весь этот мир, как вдруг неведомая сила вытолкнула его из воды, и он встал на дно, отфыркиваясь. Там, где он встал, было мелко... он сделал шаг, другой – и вновь оказался на берегу. Но уже наступал вечер... А казалось, он вышел из дома утром. Он помнил это точно... Неожиданно он услышал крики людей. Это искали его. Горели факелы, лаяли собаки... Одна подбежала к нему и лизнула руку – и тут же с воем отскочила назад.

Спустя некоторое время он был уже в замке, горели свечи... Та, которую он называл своей матерью (хотя это была тетя, мать умерла при его рождении), склонилась над ним.

– Мой мальчик, мой мальчик... как ты нас напугал... За-

чем ты ушел в лес?

– Я не ушел... Они меня позвали...

– Кто они?

– Не знаю...

– Какой ты фантазер...

– Потом я свалился в воду.

– В воду? Ты был сухим... Абсолютно сухим. Это тебе приснилось...

– Нет, там были рыбы с крыльями. А глаза у них – как у тебя...

– Елена! – позвала она служанку, стоявшую у двери. – Елена! Срочно пошли за доктором. Кажется, начинается жар... Не медли...

– Я здоров... – сердился он. – Я здоров... и все, что говорю, – правда... Я ничего не выдумываю.

– Да, да... конечно, милый. Только больше не пугай нас так. Мы уже думали, что никогда больше тебя не увидим... Не знали, что думать и где тебя искать... Милый, какой ты фантазер... Спи... скоро приедет доктор и осмотрит тебя. Ты поправишься, и мы поедем в Венецию. Посмотрим этот город на воде.

– А там будут рыбы?

– Рыбы будут.

– С глазами как у тебя?

– Ну что ты, милый, так не бывает... Спи...

Приехавший доктор осмотрел его. Прописал покой и ле-

карства. Потом они поехали в Венецию. Ему казалось, что город как сон, как мираж... И в любой момент он снова растворится в воде... Но иногда ему казалось, что он снова на берегу того странного озера. И снова погружается в воду. Когда он вырос, пытался найти в лесу таинственное озеро. Но безуспешно. Когда же он стал спрашивать об этом местных жителей, ему сказали, что отродясь такого озера в лесу не бывало. И это все ему примерещилось в детском возрасте. Но все же он мог поклясться, что то был не сон и не грезы наяву. Все это произошло на самом деле. Но куда исчезло озеро, для него повзрослевшего вопросов не было – оно находилось в другом измерении.

...Он снова вернулся в сегодняшний день.

– Есть конструкция, которая идеально воплощает в себе покой и одновременно движение. Это колесо. Оно есть соединение грядущего с минувшим! Когда все люди соединятся в одну цепь, которая превратится в колесо...

После собрания рядом с ним задержался один писатель. Михаил Булгаков.

– Я хотел спросить вас о новом человеке, – обратился к нему Булгаков.

– Вот-вот... Тема интересная. Кто раньше занимался выведением новых людей? Боги, жрецы. Они продолжают делать это и сегодня. Но уже на другом уровне. Существуют египетские рисунки, где изображены жрецы – большие фигуры – и люди – маленькие фигуры. От пальцев жрецов к лю-

дям протянуты нити. Они кукловодят ими. Сейчас пытаются создать нового человека из старого материала. Получится ли он? Здесь таится опасность, что этот новый человек не сможет выполнить свою задачу. И потом... новых людей не создают. Их выявляют... – понизив голос, сказал собеседник писателя. – Но все одержимы именно созданием. Но ведь человек – это материал с тонкими настройками. Тут нужны особые условия... – Свою мысль он не закончил. Впрочем, писатель думал о чем-то другом.

– Забавная тема: подобрать собаку – простую беспородную – и вывести из нее человека. Кем он будет? Такой же дворнягой, только в обличье человека? Или кем-то иным? И здесь возможны варианты...

– Это было бы хорошим предупреждением тем, кто торопится, не соблюдает некие правила... Иначе этот новый человек затопит все своим бескультурьем и агрессивностью.

– Но если нового человека так трудно создать, то, может быть, его легче, как вы говорите, выявить. И как это сделать? Какое-то время его собеседник молчал.

– Выявить того, кому предназначена высшая лучшая участь, – дело не такое легкое. Это тоже своего рода искусство. Мы все словно спим – и просыпаемся только в определенные моменты. А есть люди, пробуждение которых сулит миру новые идеи, открытия, они способны изменить течение мира. Но как их найти? Есть древняя сказка о кристаллах, которые выявляют таких людей. Они помогают пробудить их

спящее сознание.

– Об этих людях можно написать, – сказал писатель. В его глазах сверкнула веселая искорка.

– Да. Это прекрасная мысль!

Они расстались, он вышел на улицу. Пса уже не было. Наверное, он находился в будке или спал неподалеку. У дороги он повернул голову направо: слышалась заунывная песня. И тут он почувствовал, как чьи-то грубые руки обхватывают его сзади и куда-то тащат. И кажется, потерял сознание. Очнулся он от того, что совсем рядом хлопнула дверь.

Он лежал на диване. В помещении было душно. Страшно болела голова.

– Ну как, очнулся? – раздался мужской голос. Говорили по-английски. – Не притворяйтесь, что вы без сознания. Прошло уже достаточно времени, чтобы вы пришли в себя. Не вздумайте притворяться. Вам же будет хуже.

– Я не думаю...

– Вот и прекрасно. Это правильно.

Он повернул голову. Сначала изображение было нечетким, но потом взгляд сфокусировался на фигуре мужчины, сидящего в кресле.

– Я вижу вы вполне можете двигаться. Это хорошо.

– Кто вы?

– Это неважно.

– Что вы хотите?

– Это уже правильный вопрос. Разве вы не догадываетесь?

– Нет.

– Жаль!

– Не могли бы вы сформулировать...

– Кажется, вы и сами все прекрасно понимаете, – было сказано ему сердитым тоном.

Он сел и обвел помещение глазами. Это была комната, обставленная красивой дорогой мебелью. В углу находилось кресло, в котором сидел худой человек и неотрывно смотрел на него. Его ладони были сложены домиком. Одет он был в темные брюки и светлую рубашку. Справа помещался стол с лампой.

– Надеюсь, вы будете благодарны, что мы вас не убили. Как тогда в Берлине. – При этом его губы раздвинулись в зловещей улыбке.

– Премного благодарен, – откликнулся он, стараясь не выдать своего волнения.

– Это хорошо. Благодарность есть одна из важнейших добродетелей.

– Надеюсь, вы привезли меня сюда не для того, чтобы читать трактаты о добродетелях.

– Конечно, нет.

Возникла пауза.

– Нам нужно... – сказал незнакомец, подчеркивая слово «нам», – чтобы вы либо умилили свою деятельность, либо полностью отказались от нее. Иначе последствия могут быть

самыми непредсказуемыми.

– Я вас понял.

– Я очень рад.

– А если нет...

– Я же сказал о последствиях. Неужели вы будете столь неблагоразумны. Есть еще один вариант. Вы можете работать на нас.

– Я подумаю.

– Время еще есть. Но не тяните. Ваш ум, ваши знания могут быть полезны нам.

Он ощутил во рту привкус горечи. «Не отравили ли они меня, – мелькнуло в голове, – пока я был без сознания?»

– Вас никто не травил.

Он владеет техникой чтения мыслей, понял он. Нужно быть осторожней. Он напрягся, пытаясь понять: кто этот незнакомец, откуда. Но в памяти возникала только темная пелена, силуэт Биг-Бена, горная гряда...

– От вас требуется только одно. И что именно, я уже сказал. Вы ничего не хотите добавить?

– Нет.

– Тогда, полагаю, наш разговор окончен.

Они не убили меня, потому что я им нужен. Пока.

Он вспомнил нападение в Берлине, холод ножа, который скользнул по коже. Собственное чувство ужаса, смешанного с каким-то восторгом. Словно он бросал вызов судьбе, ко-

торую должен непременно победить. Ставки были слишком высоки. Но эти люди не шутят, это он понимал отчетливо, даже слишком. И с этим англичанином... он уже встречался... где-то. Тот был неуловим – и в то же время знаком. Кажется, про него ходили слухи, что он состоял в тайной организации, искал по всему миру артефакты. А также Шамбалу и Гиперборею².

Он прекрасно понимал, что ходит по краю бездны. Один неверный шаг – и все... его не будет. А его знания, его труды... Хотелось выпить... Но не спиртное. А холодной кристально чистой воды. Воды жизни.

² См. Екатерина Барсова. Разбитые часы Гипербореи. М.: ЭКСМО, 2022.

Глава четвертая

Смерть в последнем переулке

*Мне из рая, прохладного рая
Видны белые отсветы дня...*

Николай Гумилев

Москва. Наши дни

В машине Павел Рудягин сидел и смотрел на Светлану Демченко, свою напарницу. Воспользовавшись тем, что они стояли в пробке, она пила кофе в стаканчике, купленный в кофейне по дороге. Глаза у нее слезились.

– Ты плачешь?

– Ничуть, – сердито ответила Светлана. – С чего бы это мне плакать?

Павел тактично промолчал.

Он знал, что у Светланы возникли проблемы в семейной жизни. Подробности она не рассказывала, но, судя по всему, ее муж увлекся женщиной на стороне, и Светлана, почти как и каждая женщина в данном случае, сильно переживала по этому поводу. Павел не в свое дело не лез, Светлана за под-

держкой к нему не обращалась, и он благоразумно помалкивал. Вот только заплаканный вид Светланы ему не нравился все больше и больше. Следы слез и покраснение кожи она маскировала тональным кремом и пудрой. Со стороны вид был как обычно, но если приглядеться...

Они стояли в пробке.

– Кофе невкусный, паршивый. Ну что ты на меня так смотришь? – не выдержала Светлана.

– Ничего. – Павел отвернулся и посмотрел в окно. Только что прошел дождь. На дороге лужи. Тоска, а не погода. Да еще солнца нет. Он вспомнил старое шутовское стихотворение о том, как крокодил проглотил солнце.

– Ты, наверное, думаешь, что я совсем раскисла?

– Ничего я не думаю. Если у тебя неприятности, поделись – станет легче... А если ты считаешь, что лучшая тактика – это молчание, то... – Фразу Павел не закончил. Машина рванула с места, и за стеклом взвилась веером грязная вода.

Светлана молчала.

– Кто убитый, подробную справку дали?

– Петр Васильевич Деревянин. Пенсионер, – уточнила сразу Светлана. – 86 лет. Жил один.

– Детей нет?

– Почему же? Есть. Сын.

– А жена?

– Умерла тридцать лет назад. Сын здесь. В России.

– Понятно. Какой мотив убивать пенсионера?

– Надеюсь, мы это вскоре узнаем...

Машину пришлось припарковать во дворе дома. Там пожилая женщина в ярко-малиновой шляпе яростно ругалась с автомобилистом, чуть не заехавшим на детскую площадку.

– Активистка! – кивнула на нее Светлана. – Мимо беспорядка не пройдет. Возможно, есть смысл потом с ней побеседовать – такие все вокруг замечают и запоминают. Как говорится, мышь не проскочит. До всего им есть дело. Из них обычно получают незаменимые свидетели.

Они вошли в квартиру, где произошло убийство.

– Когда убили? – был задан вопрос судмедэксперту.

– Ночью.

– Получается, что он сам впустил своего убийцу.

– Или убийц... Выходит, что так.

Когда они вышли, Светлана кивнула:

– Смотри! Наша активистка делает замечание собачнику. Кстати... Минуту... Надо бы взять у нее телефон и адрес.

Женщина в шляпе – Светлана Васильевна Жаркова – дала свой телефон. Разохлаась, узнав об убийстве, и сказала, что немного знала жертву. Договорились, что завтра с ней побеседуют.

Они сели в машину, и Светлана скомандовала:

– Теперь в «Голубой ручей».

Так называлось товарищество, где жил сын убитого.

В машине Светлана молчала, хмурилась.

– Посмотри справку, которую нам скинули. Сзади папку возьми и прочитай мне вслух.

Павел взял черную папку и раскрыл ее:

– Деревянин Андрей Петрович. 44 года. Работает в авиа-конструкторском бюро. Сейчас находится по делам в командировке в Томске. Приезжает сегодня.

– С кем же мы будем беседовать?

– С дочерью Деревянина. Внучкой убитого.

Она бросила на него взгляд искоса:

– Ты о летнем отпуске думал?

От неожиданности Павел дернул головой:

– С чего ты заговорила об отпуске?

– Просто так. Мечтаю поехать на море или еще лучше на речку. Снять коттедж и отдыхать там... с семьей.

Светлана хочет увезти семью, спрятать ее в укромном месте, подумал Рудягин. Попробовать наладить отношения с мужем заново. Оторвать его от любовницы. Так сказать, сменить обстановку.

– Но до отпуска надо еще дожить, – добавила она.

– К чему так мрачно?

– А жизнь у нас такая.

Когда они стояли в пробке, раздался телефонный звонок. Кратко переговорив, Светлана обернулась к Павлу:

– К нам тут в помощники, то бишь консультантом, опре-

делили Гуджарпа.

– Ты рада?

– Еще чего, – буркнула она и поджала губы.

Двухэтажный кирпичный дом выглядывал из-за забора, который тоже был сложен из красного кирпича. Когда они подошли к забору, залаяла собака.

Светлана набрала номер на мобильном:

– Сейчас нам откроют.

Через несколько минут ворота распахнулись. Перед ними стояла девушка в светлом сарафане с распущенными волосами и покрасневшими глазами.

– Руслана, – представилась она. – Дедушку убили? Да? – Ее вопрос прозвучал совершенно по-детски. Она всхлипнула и замолчала.

– К сожалению, да.

– Я хотела поехать к нему домой. Но папа мне запретил. Он сказал, чтобы я дожидалась его. Проходите. Полкан, стой! – скомандовала она.

Огромный алабай мчался им навстречу.

– Не бойтесь. Он добрый. Только на вид грозный...

Алабай сел и смотрел на них, высунув язык. Маленькие елочки росли вдоль забора. Они зашли в дом.

– Вы будете чай, кофе?

– Я – кофе, – сказала Светлана.

– Чай. Черный, – добавил Павел.

Девушка шла впереди, ее тоненькая фигурка, казалось, покачивалась в ритме, который слышала только она.

– Вы здесь живете одна? – спросила Светлана.

– С папой. Иногда приезжает помогать по хозяйству дальняя родственница папы, Анна Петровна. Но сейчас она уехала к себе. В Подольск.

– Ясно.

Они оказались в просторной гостиной с большими окнами чуть ли не до пола.

Там Павел и Светлана расположились на светлом диване, рядом с которым стоял низенький деревянный столик.

Руслана приготовила им кофе и принесла на подносе. Маленькие белые чашки красиво смотрелись на столе.

– Из еды только сушки.

– Ничего, мы не голодные, – откликнулась Демченко. – Скажите, вы живете тут постоянно?

– По большей части да.

– Вы не учитесь?

– Я учусь в основном онлайн.

– На кого?

– На переводчика с арабского языка.

– Арабского? Почему такой странный выбор?

Руслана опустила глаза:

– Так получилось. Захотелось, и все.

Себе она приготовила зеленый чай.

– Руслана... Вашего дедушку убили...

– Да... дедушка... это все ужасно. Кому понадобилось его убивать? – голос ее задрожал.

– Вы с ним часто виделись?

Она запнулась:

– Ну, не очень часто. Примерно раз в месяц.

– У него на квартире?

– Иногда – да, но чаще всего папа привозил его сюда. И он жил здесь несколько дней. Пока ему не надоедало. И тогда он возвращался к себе домой.

– А почему он не жил с вами постоянно?

Здесь на лице Русланы мелькнула улыбка:

– Знаете, у дедушки были свои правила в жизни. Он не любил никого стеснять. Привык жить самостоятельно. После смерти бабушки у него уже сложился определенный образ жизни, и он не хотел его нарушать. У него был непростой характер, и папа говорил, что наш дедушка – один из самых великих упрямцев, которых он видел в своей жизни. Так странно, что его теперь нет... – ее голос дрогнул.

– Отчего умерла ваша бабушка?

– От инфаркта.

– Давно?

– Тридцать лет назад.

– И с тех пор ваш дедушка не женился?

– Нет.

– Вы знали дедушкиных друзей, знакомых?

– Вам лучше задать этот вопрос папе.

В машине Светлана неожиданно спросила:

– Ты знаешь, чего я первое время боялась?

– Чего?

– Что я приду домой, а мне мой муж скажет: как же от тебя трупом воняет... Просто из головы эта мысль не выходила. И спустя некоторое время спросила супруга: ну как, плохого запаха от меня не чувствуешь? А он мне: нет. Пахнет от тебя как от любимой женщины. И все. И поняла я тогда, что зря я, дура, боялась. Нельзя ничего от любимых людей таить. Понимаешь? Если возник какой-то вопрос или проблема – надо сразу ее выкладывать. Не бояться. И не таиться. Иначе можно доверие потерять. А оно в семейной жизни – главное.

Паша молчал. У него не было человека, которому он мог бы задать этот вопрос. Пока не было. Но наверное, он бы тоже нервничал по этому поводу.

– У тебя как, все наладилось с мужем?

Она бросила на него взгляд искоса.

– Наладилось, наладилось, – проворчала она. – Когда женишься, сам все узнаешь, каково это – тянуть лямку супружеской жизни.

– Лямка? – попытался сострить Павел. – Так и представляю после твоих слов бурлаков на Волге.

Но его шутку Светлана не приняла – напротив, зыркнула глазами и прибавила скорость.

– Ты чего? – опешил Рудягин. – Я на твою больную мозоль

наступил?

– Почти. У нас тут перемены в отделе назревают. Если мы с тобой быстренько убийство не раскроем, то пролетим мимо премиальных. И вообще...

– Может, поделишься тем, что я еще не знаю.

– Зачем я буду тебя огорчать раньше времени? Тем более вдруг не сбудется. Но гадости, как и радости надо выдавать по чайной ложке. И не выливать все разом.

– Дело твое, – миролюбиво сказал Павел. – Настаивать не стану. Я ко всему готов.

– Я бы не зарекалась, – бросила Светлана. – Тебе не кажется, что эта Руслана что-то скрывает?

– Почему? – Павлу даже жарко стало.

– Потому... И вообще семейка, на мой взгляд, весьма темная. Присмотрись к ней...

Глава пятая

Опасный тет-а-тет

*Если вы решили действовать – закройте двери
для сомнений.*

Фридрих Ницше

Москва. Наши дни

Кира сняла комнату по частному объявлению. С агентством она связываться не захотела. Мало ли что. Ей нужно залечь на дно и не отвечивать. Чем меньше будет ее «внешняя» активность – тем лучше.

Комната была как гроб или пенал. Восемь метров. Наверное, в такой жил Родион Раскольников. «Жил, жил, а потом старушку убил...» – вспомнила она старую присказку.

Она растянулась на диване и задумалась, глядя в потолок. «Дедушка... как мне тебя не хватает... Кто его похоронил? И где? Есть у него двоюродный брат – правда, тот с ним особо не общался... Какая-то давняя семейная вражда, о которой дед никогда не говорил. Дедушка, прости меня. Но у меня не было выхода...»

Слезы все равно текли по щекам безостановочно. Было странно понимать, что твоя жизнь еще недавно шла в одном

направлении, а потом все резко изменилось. Так резко, что Кира даже не могла сказать: это ее жизнь или чужая? Будто она следует сейчас чужому сценарию, спущенному кем-то сверху.

На окне стоял кактус. Он выглядел даже симпатичным. Пушистый комочек с маленьким розовым цветком на верхушке – эдакий помпончик на шапочке. Неожиданно вспомнилось, как дед неоднократно говорил: боюсь, я не доживу до твоих деток. Как в воду глядел. Что-то предчувствовал?

Окна выходят во двор. У нее есть немного денег, надо бы приобрести хоть какую-то одежду. Хотя зачем она ей нужна? Обойдется пока и этой. Еду она купит в магазине... А вот дедушкины бумаги... Надо бы разобраться с ними. Кира села на диване и взяла в руки рюкзак. Достала из него тетрадь. И увидела на первой странице надпись...

* * *

Она подошла к забору и осмотрелась. Наверняка есть собака. Может быть, и не одна. Ей удалось проскользнуть мимо сторожа, но вот этот забор и особняк... Что ее там ждет? Кира вздохнула. Если собака, то она приготовила для нее лакомое угощение, после которого та должна свалиться в крепком сне. А вот дальше? Дальше она должна действовать по обстоятельствам. Прислушиваться к интуиции, как учил ее дедушка, надеясь, что она не подведет.

Кира поставила ногу на забор, подтянулась – и вскоре уже была по ту сторону кирпичной стены. Так и есть! Собака! Прямо на нее неслось что-то мохнатое, с горящими в темноте глазами. Кира зажгла слабый фонарик, быстрым движением вынула из рюкзака мясо и кинула псу.

Он схватил, щелкнув челюстями, замотал головой, попятился, припал на передние лапы и заскулил – тихо, жалобно. «Прости, дружок, прости, – тихо сказала Кира. – Я не хотела». Животное упало на бок, дернуло лапами и вытянулось. Похоже, что собака одна и больше бдительных сторожей не будет. Она побежала к дому, пригнувшись, стараясь быть ближе к земле и не выделяться на фоне неба.

Свет нигде не горел. Вероятно, хозяева спали. А может быть, они в городе? Уехали туда?

В темноте она увидела диван и очертания тела. Кира зажгла фонарик мобильного. Отвернувшись к стене, спала девушка. Темные волосы разметались по одеялу.

Кира увидела сбоку ночник. И, стараясь не шуметь, щелкнула выключателем. Слабый свет озарил комнату. Девушка на диване пошевелилась. Сейчас она повернется...

Одним прыжком Кира оказалась в темном углу. Девушка села на кровати и обвела глазами комнату. Она была симпатичной: темные волосы, нежный овал лица. «Изнеженная барышня, – решила Кира. – Жила, наверное, как за каменной стеной. Себя ограждала от всех проблем и бед. Глаза сонные...» Кира выступила из тени.

– Только не надо кричать, – сказала она. – Я пришла задать некоторые вопросы...

Девушка смотрела на нее, распахнув глаза. Она как-то странно дернула головой и сглотнула.

Кира подошла ближе.

– Я правда по делу, – сказала она уже менее уверенно. В голове настойчиво стучало: поймет ли она меня? Или я покажусь ей сумасшедшей. Как мне убедить эту девушку в том, что я говорю серьезно. Ведь от этого так много зависит. Имя девушки вылетело из головы. Рита? Римма? Раиса? Она пробила в интернете фамилию убитого. И всплыли фамилии-имена членов его семьи.

– Вас зовут...

– Руслана!

– Точно, – почти обрадовалась Кира. – Помню, что на букву «р».

Девушка смотрела на нее с непониманием.

«Что ты несешь, – одернула себя Кира. – Следи за речью...»

– Руслана! Вы дома одна?

На лице девушки отразилось раздумье.

– Я хотела бы поговорить с кем-то более взрослым. Понимаете? Отцом? Дедом? Прежде всего, вашим дедом.

Руслана посмотрела на нее, сдвинув брови:

– Дедушка умер. Его убили.

Кира чуть не застонала: «Этого я и боялась. Маховик за-

пущен. И я не успеваю никого предупредить. Я иду по следу хладнокровных убийц».

– Четыре дня назад.

– Как? Где?

– Дома. В собственной квартире.

Кира опустилась на стул.

– Боже мой, боже мой, – говорила она, раскачиваясь. – Значит, все это правда.

– Что именно?

– Тот самый список.

– Простите, я не понимаю.

– У вашего дедушки были друзья, знакомые? С кем он общался в последнее время?

– Я... не знаю. Я встречалась с ним примерно раз в месяц. Иногда два раза... И все.

– Он жил один?

– Да.

– И он вам ничего не рассказывал?

– О чем? О чем он должен был мне рассказывать? Какое отношение вы имеете ко мне и к моему дедушке? Кто вы? – посыпались запоздалые вопросы.

Кира глубоко вздохнула. Как рассказать то, что случилось, удерживаясь в границах правды? Или главное нужно приберечь? Не открывать?

Она молчала, не зная, как поступить. Наконец решилась:

– Ваш дедушка когда-то работал с моим. И он тоже убит.

– Как?

– Этого я не могу вам сказать. Пока.

– Как вас зовут?

– Кира.

– Кто вы? Кто ваш дедушка? Почему вы пришли ко мне?

Что вам надо? – вопросы сыпались без пауз. Неожиданно Кира ощутила чудовищную усталость. Хотелось спать, есть... Хотелось обратно домой. Но она знала, что нельзя. Горит красный свет, сигнал опасности. И все – обратной дороги нет. Как она не может понять этого до сих пор!

– Послушайте! У вас есть еда? Принесите мне. Нет, давайте сходим вместе.

Кире показалось, что девица чуть-чуть усмехнулась. И ей это не понравилось.

– Вы пришли в мой дом и меня же боитесь, – негромко сказала Руслана.

– Да. Боюсь. И давайте закончим этот разговор. Просто спустимся вниз.

На кухне, когда перед ней появилась тарелка с жареным мясом и пюре, Киру едва не стошнило. Так она была голодна. Ела медленно, стараясь не показать своего голода.

– Еще сделайте чай. Покрепче.

– Хорошо, – кивнула Руслана. Она по-прежнему была в длинной ночной рубашке. Волосы иногда падали на лицо, и она рукой отводила их назад. После чая стало лучше. Голод отступил, по телу разлилось приятное тепло.

– Слушайте Руслана, я не могу вам рассказать всех обстоятельств этого дела, но поверьте мне – я вам не враг.

– Это я уже слышала.

– Могу повторить еще раз. Чтобы вы уяснили эту мысль...

– Спасибо, я поняла. – В голосе девушки послышалась легкая ирония.

Это Кире одновременно и понравилось, и нет. Такое самообладание не могло не восхищать. С другой стороны, это означало, что ее, Киру, не воспринимают всерьез и поэтому не отнесутся к сказанному с должным вниманием.

– Понимаете, Руслана. Все настолько серьезно, что я даже не знаю, как вам это преподнести? Суди сама: двух пожилых людей убивают почти одновременно, учитывая, что они вместе работали в сфере авиастроения. Это наводит на определенные мысли.

– Меня не наводит. Если вам есть что сказать – говорите прямо, а не какими-то загадками. Может быть, это приблизит к раскрытию двух убийств.

«Если я скажу ей, – подумала Кира, – эта честная милая девушка все расскажет своим – близким, полиции... Они примут меры – и все погубят. Нужные мне люди исчезнут, уйдут на дно. Затаятся. И я ничего не узнаю. Преступники не будут наказаны. Чего я тогда добьюсь?»

– Кто-то убивает людей, связанных одним делом... – начала Кира.

– Каким?

– Я до конца не могу сказать... я сама во многом должна разобраться...

– Почему вы не хотите все передать полиции? Они там разберутся лучше вас. Почему? – девушка возвысила голос. – В конце концов, вы рискуете. Это опасно.

– Тише! – Кира оглянулась. – Тише!

– А если я закричу?

– Мне не хотелось бы этого. Потому что тогда... – И Кира достала пистолет.

Девушка замолчала.

– Но я не хочу вас пугать или... угрожать. Мне нужна только правда, данные, факты. Я хочу установить, кто виноват в смерти наших близких. Скажите то, что вы знаете.

– Я уже говорила, что встречалась с дедушкой не так уж часто.

– Он что-то говорил о своем прошлом? Друзьях? Чем он занимался?

– Только в самых общих чертах. Без подробностей.

– Кого из его друзей вы знали?

– Никого.

– Он не приводил их в дом, на праздники?

– Нет. Дедушка жил довольно замкнуто. Если с кем и встречался, то я не в курсе. И меня он ни с кем не знакомил. Только один раз... – Она запнулась.

– Говорите!

– Мы с ним встретились в городе, пошли гулять. Он раз-

говаривал с мужчиной, а я крутилась неподалеку.

– Мужчину вы не запомнили?

– Он был высокий. В шляпе.

– А как вы справляли дни рождения дедушки?

– Дома. В домашнем кругу. Дедушка не любил большие застолья.

Все понятно – в мозгу словно расплылось больше пятно, которое увеличивалось в размерах и никак не хотело сжиматься. Секретность, желание проводить время в кругу семьи – все это было понятным и объяснимым. Неясно было только одно: что делать со всем этим дальше, куда двигаться? Руслана смотрит на нее большими непонимающими глазами и ждет объяснений, подсказок. А она сама ждет их... или того, кто объяснил бы ей, что все-таки случилось. Что делать? И кто виноват? Извечные вопросы русской классики.

– Остались ли от дедушки какие-либо бумаги?

– Не знаю. Если только на квартире.

– Где ваш отец?

– В командировке. В Тюмени. Он взял билет в Москву. Но прихватило сердце, вызвал «Скорую». Сделали укол. Отлежится немного – и приедет.

– Он работает на закрытом предприятии «Антей-5»?

– Да. – На лице Русланы мелькнула слабая улыбка. – Вы и это успели узнать? Зачем?

– Я же говорю: хочу выяснить правду.

– И все-таки я вас не понимаю...

– Не будем об этом... Я еще раз вас спрашиваю: есть ли у вас какие-нибудь бумаги, фотографии? – Кира помахала пи-столетом. «Господи, прости меня, – прошептала она про се-бя, – но у меня нет другого выхода. Мне нужно узнать прав-ду и покарать убийц».

– Есть альбом со снимками. Он хранится у нас давно. Се-мейный, – после недолгого раздумья сказала Руслана. – Он в большой комнате.

Они пошли в гостиную.

– Вот книжный шкаф. Во втором ряду альбом.

Взяв альбом с полки, Руслана опустилась на кресло. Кира придвинула стул и села рядом.

Пожелтевшие фотографии. Незнакомые люди.

– Вот дедушка молодой.

Мужчины улыбаются. Смотрят в объектив. Кто-то напро-тив – слишком серьезен.

– Я сфотографирую. – Кира достала мобильный и щелк-нула фотографии.

Одна фотография вылетела из альбома и упала у ножки кресла. Руслана не заметила этого. Кира незаметно запих-нула ногой фотографию подальше. Когда Руслана относила альбом обратно, Кира нагнулась за снимком, который лежал под креслом, и спрятала его в карман. Рассмотрит потом.

Вскоре она ушла. Взяла у Русланы номер телефона. Та смотрела так, словно хотела еще о чем-то спросить, но не решалась.

Дома Кира достала снимок и внимательно рассмотрела его. Двое мужчин и женщина. Один мужчина – размыт, нечеткое изображение. Второй – видимо, дедушка Русланы. Молодая женщина. Брюнетка. Красавица. Лет тридцать. Может, меньше. Платье в горошек. Ниже колен. На заднем плане какой-то санаторий. Пальмы. Они стоят у подножия белой винтовой лестницы.

Кира перевернула снимок:

*Пусть это будет на память тебе, Анита, любовь моя. На память о чудесном знакомстве и нашей любви.
1962 год.*

Она подошла к окну. Почему-то погладила кактус.

Пушистик. «Мы прорвемся, – прошептала она ему, словно тот мог слышать. – Кажется, тебя пора полить...»

* * *

– Слушай, ты сумасшедшая! – воскликнул ее друг, когда она выросла на пороге его квартиры без предупреждения.

Сто лет не виделись. Никита Самарский – так он гордо называл себя в пабliках. А попросту – Никита Семенов.

– Являешься ко мне спустя столько времени и хочешь, чтобы я тебе помог? – В голосе звучала неприкрытая обида. – Почему ты так долго не звонила? И вообще, старуха, ты

прекрасно выглядишь. Эта короткая прическа тебе идет.

– Я знаю.

– Отлично. Так держать.

Она помнила, что оборвала знакомство, когда Никита стал уже слишком назойлив и попытался переступить границы дружбы. Она решила маленько остудить его и отойти на расстояние. И это было уже больше двух лет назад.

– Ладно. Оставим. Тут недавно такая телка обрисовалась на горизонте. Вцепилась в меня. Таиланд... Бали... Далее везде. Предлагала сделать визу цифрового кочевника. И работать на удаленке в райских условиях. Представь себе – океан... белоснежный песок... пальмы...

– А ты?

– А я... взял время на раздумье. Ты же знаешь, в Москве я связан незримыми узами со многими людьми, есть дела, обязательства. Так вот взять и оборвать в одночасье свое физическое присутствие здесь я пока не могу.

– Ясно.

Кира не сомневалась, что упомянутая «телка» существовала только в воображении Никиты. Просто ему хотелось подколоть Киру. Показать, что он прекрасно живет и без нее. И даже является объектом поползновений прекрасных дам. Эх, Никита, Никита, если бы ты только знал, как меня все это мало трогает. Но если я дам ему это понять, то обижу... лучше промолчу.

– А дела?

– О'кей. Тусим. Работаем. Продвигаемся.

– Я знаю, что ты крутой айтишник и хакер.

– Не лести... – Никита залился тонким смехом. Он был высоким и худым. Волосы зачесывал назад. Правая рука у него была вся в татуировке. Длинный сложный узор с розами... Раньше этого не было.

– Я к тебе с одним делом.

– Я понял. Пиццу заказать?

– Давай.

Однокомнатная квартира Никиты напоминала сарай. Все в ней было свалено вперемешку: книги, одежда, компьютеры, которые он взял в ремонт, железяки непонятного назначения. Узкая кровать приткнулась к стенке.

– В общем, так. Для твоих вопросов комп нужен?

– Да.

– Тогда сюда в угол. Добро пожаловать.

Свободный угол был занят двумя пуфиками и низким столиком. Никита перетащил на столик ноутбук и вопросительно посмотрел на Киру:

– Тебе будет удобно?

– Норм.

Он включил лампу. Свет вспыхнул и заискрился в изумительной красоты цветном стекле.

– На барахолке купил. Говорили, что антикварная... Захотелось себя побаловать.

– Молодец!

– Впрочем, ты никогда не принимала меня всерьез. Для тебя я Никита то, Никита се... Никита помоги. Никита сделай...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.